

«Черная шаль» в качестве бессарабского обстоятельства

Кранк Эдуард Освальдович,
кандидат философских наук, кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары

Аннотация. Предметом статьи является жанровое своеобразие написанной А. Пушкиным в Кишинёве «молдаванской песни» «Черная шаль». Мелодраматический сюжет, свойственный романтической поэтике, подан анекдотически-пародийно, что позволяет, наряду с другими произведениями 1823 г., говорить о преодолении романтизма как в творчестве поэта, так и в его мировоззрении. Пародийность «Черной шали» явлена в масках, которая закреплена за каждым из персонажей. Эта масочность героев «песни» восходит к комедии-дель-арте и соответствует тому, как Пушкин воспринимает поликультурный Кишинёв 20-х гг. XIX столетия.

Ключевые слова: романтизм, пародия, Кишинёв, южная ссылка, стихотворный жанр, байронический тип, литературная маска, кукольный герой.

Уж не пародия ли он?..
А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Пребывание Пушкина в Кишинёве помечено таким известным стихотворением, как «Черная шаль». Эта «молдаванская песня», конечно же, не что иное, как пародия. Не только по своей «страстной» и «жестокой» анекдотичности, в чём она предваряет будущий русский романс; не только в отношении сюжетной исчерпанности балладного рассказа, с ложноромантической «роковой» концовкой, – но это пародия на саму кишинёвскую культуру (обратим внимание на жанровое обозначение стихотворения: «молдаванская песня»), которая представляла собой смесь самых разных национальных культур, своего рода культурный компот-ассорти.

Каждый из действующих лиц стихотворения принадлежит к определенной национальности, кроме главного героя, который интернационален в качестве человека европейского, культурного, образованного, героя-романтика байронического толка. У слуги героя («верный раб») национальная принадлежность также не должна нести на себе значимого содержания: раб должен быть верен своему господину, вплоть до соучастия в преступлении («Мой раб, как настала вечерняя мгла, / В дунайские волны их бросил тела»), и этим одним восполняется назначение персонажа. Он (слуга) вполне, впрочем, может быть молдаванином, по своей укоренённости в обозначенном (более того, заявленном в самом жанре) ареале, тем более что о собственно молдаванах в песне нет никакого упоминания.

Гречанка должна быть прекрасна («прелестная дева» с «прелестными глазами») и неверна, и, как характер национальный, она вполне выполняет свою ролевою функцию, с учётом того, что она не только преступница, но и жертва ревности героя. Дело тут не столько в Калипсо Полихрони, о которой один из мемуаристов сообщает, что «впервые познала она любовь в объятиях лорда Байрона» [А. С. Пушкин... , 1974, т. 2, с. 224]. Байроническое «наследство» тут важно именно с точки зрения преодоления Пушкиным так называемого «байронического типа». Неверность прекрасной гречанки в «Черной шали» имеет в виду аллюзию с другой гречанкой, неверной женой прадеда Пушкина

Ибрагим Ганнибала, с жизнеописанием которого поэт ознакомился по окончании Лицея, на Псковщине.

«Презренный еврей» проклят за то, что не гнушается и самыми низкими средствами, чтобы извлечь для себя материальную выгоду, «презренную пользу».

«Армянин» предстаёт в качестве страстного и коварного любовника, не обремененного грузом чести. Этот персонаж вообще никак не характеризуется; он лишь назван в качестве «армянина» («неверную деву лобзал армянин») и «злодея». Тем самым его роль для Пушкина и его кишинёвского окружения исчерпывалась совершенно. В собственно кишинёвском звучании «Черная шаль» имела в виду никак не заслуживавшего того Артемия Макаровича Худобашева, который, как известно, был по национальности армянином и которому, по свидетельству И. П. Липранди, льстило, что он хотя бы в стихах мог отбить у Пушкина гречанку [А. С. Пушкин..., 1974, т. 1, с. 288-289].

Таким образом, распределение ролей в стихотворении носит сниженно-бытовой характер, как в анекдотах о грузинах, чукчах, евреях и пр., которые (анекдоты) питают как национализм, так и разного рода национальные «фобии».

В сущности, отсутствие ярко выраженной национальности в главном герое, его «чужеродность», то, что он никак не вписывается в регламентированный уклад многонационального социума, парадоксально переворачивает в «молдаванской песне» шекспировскую историю об Отелло, где герой, вследствие своего мавританского происхождения, противостоит социуму венецианскому. Известная фраза Пушкина о том, что Отелло не ревнив, а доверчив [Пушкин, 1962, т. 7, с. 208], между прочим, совершенно точно соответствует самохарактеристике героя: «Когда легковерен и молод я был...».

Сниженность этой пушкинской истории о ревности, её пародийная анекдотичность, характеризует не только атмосферу многонационального Кишинёва 20-х годов XIX века, во время бессарабской ссылки Пушкина, но и, будучи решена как комедия масок, где за каждым из персонажей закреплена маска определенной национальности, позволяет судить о критическом отношении Пушкина к своему тогдашнему окружению и себе самому, с собственными анекдотическими эскападами, связанными то с дуэлями, то с цыганами, то с поверхностными любовями к кишинёвским дамам и барышням.

Масочный, кукольный Кишинёв порождает своего кукольного героя, исключительность которого продиктована тем, что он не по своей воле пребывает в этом ареале.

Надо заметить, что апофеозом кишинёвской «кукольности» стал не столько сам поэт (хотя именно с этим временем связана большая часть анекдотов о нём), сколько образ Пульхерии Варфоломей, дочери молдаванского боярина, увековеченный Александром Вельтманом: «...Пульхерица была необъяснимый феномен в природе <...> я несколько раз покушался думать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства. <...> Все движения, которые она делала, могли быть механическими движениями автомата. <...> Я присматривался к её походке: в походке было что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою. Её лицо и руки так были изящны, что казались натянутою лайкой. <...> «Неужели это новая Галатеея?» – думал я» и т. д. [А. С. Пушкин..., 1974, т. 2, с. 276–278]. Пульхерия, будучи, по Вельтману, «механизмом», «куклой», воплощает в себе отсутствие противоречия между человеком и средой, она есть совершенное выражение этой среды, есть её, с известными оговорками, Идеал, созвучный по «абсолютной величине» пушкинским эскападам соответствующего анекдотического хронотопа, который, между прочим, стал сердцем декабристского движения.

Пушкин, выразив таким образом Кишинёв в своей «молдаванской песне», счастливо избежал как участи провинциала (в отличие, скажем, от Вельтмана), так и декабристского идеализма. Уместно в этой связи напомнить, что стихотворение «Сеятель»

[Пушкин, 1974, т. 2, с. 16], полагающее черту между политическим романтизмом всякого рода (декабристским в том числе) и суровым, негативным реализмом самого поэта, написано в 1823 году, в самый разгар социальных иллюзий Южного общества.

«Черная шаль» – это пародия на романтизм как таковой. Пушкин исчерпывает романтическое восприятие мира, тем самым лишаясь устоявшейся мировоззренческой (и эстетической) основы существования. Поэту очевидно, что Кишинёв – дыра, что слава – дым, что будущие декабристы смешны, что идеалы свободы, любви и дружбы – химеры. Он не то чтобы утвердился в этом, скорее, он осознал наконец свою отдельность, то, что он – чужой всем и вся (отнюдь не в романтически-нарциссическом ключе, а действительно, реально чужой), хотя хранит своё открытие как самую глубокую тайну.

Литература

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2-х томах / под общ. ред. В. В. Григоренко и др. Москва : Художественная литература, 1974. Т. 1. 1974. 544 с.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2-х томах / под общ. ред. В. В. Григоренко и др. Москва : Художественная литература, 1974. Т. 2. 1974. 559 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Стихотворения. 1823–1836. / под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Москва : Гослитиздат, 1959. 799 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : История Пугачева. Т. 7 : Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники / под общ. ред. Д. Д. Благого и др. Москва : Гослитиздат, 1962. 463 с.